

АНДРЕЙ ДОБРЫЙ

The poster features a large, ancient Sphinx in the background, its surface covered in a glowing digital grid pattern. In the foreground, a large, tilted radar screen displays a blue digital interface with concentric circles and data points. The scene is set against a dark, stormy sky with orange lightning bolts and a cityscape with industrial structures visible in the distance. The title is written in large, bold, orange letters with a digital texture.

КОД
ТИШИНЫ
ИНВЕРСИЯ

Андрей Добрый

Код тишины. Инверсия

«Автор»

2026

Добрый А.

Код тишины. Инверсия / А. Добрый — «Автор», 2026

Инженер АО «Заслон» Виктор Демидов сталкивается с невозможным: активная фазированная решётка ловит сигнал, идущий из-под земли. Луч проходит сквозь планету и выходит в Гизе, а частота совпадает с радиолинией нейтрального водорода. Архивные данные подбрасывают ещё одну загадку: детский рисунок, предвосхитивший современные инженерные решения, и старая газетная фотография мальчика, который когда-то утверждал, что помнит Марс. Виктор находит его — повзрослевшего, уставшего, работающего монтажником вышек сотовой связи. Вместе с ним и ИИ «Аргус» они должны спуститься под лёд Антарктиды, подняться в Тибет и достичь дна Марианской впадины, чтобы остановить древнюю сеть, которая запускает терраформирование Земли — процесс, для человечества смертельный. В книге использована реальная история мальчика-марсианина, организация АО "Заслон". Все имена изменены, события вымышленные, совпадения случайны.

© Добрый А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
От автора	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. Ошибка 404	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Код тишины. Инверсия

Глава

КОД ТИШИНЫ

повесть

Андрей Добрый

На частоте 1420 мегагерц запрещены любые передачи. Это единственная частота, на которой тишина охраняется законом. Потому что когда Вселенная заговорит, она заговорит здесь.

Теория информации: Нулевой бит — это тоже бит. Последовательность «сигнал — пауза — сигнал» кодирует информацию не хуже единиц. Тишина между сигналами — часть сообщения, а не его отсутствие.

— Почему они молчат?

— Потому что они уже всё сказали. Просто мы не умели слушать.

От автора

У этой книги есть странная предыстория, и будет честно рассказать о ней сразу.

В 2004 году в России обсуждали историю мальчика из Волжского — он утверждал, что помнит прошлую жизнь на Марсе. Его рассказы были детальными и пугающе связными для восьмилетнего ребёнка: он говорил о древних марсианских городах, о ядерной войне, погубившей цивилизацию, о Сфинксе, внутри которого скрыт механизм, и о детях, приходящих в мир с особой миссией. Газеты называли его «мальчиком, помнящим Марс», а специалисты спорили — одни видели в его словах феномен, другие считали всё это детской фантазией, подкреплённой внушением взрослых. Достоверно неизвестно почти ничего, кроме того, что такая история действительно была.

В этой истории я использовал её как отправную точку — но не более. Имя и фамилия персонажа изменены, его судьба после детства полностью вымышлена. Реального человека, ставшего прототипом, в книге нет. Есть художественный образ, построенный вокруг вопроса: что, если бы такой мальчик вырос, забыл почти всё — а потом мир заставил его вспомнить?

В отличие от него, АО «Заслон» — не вымысел. Это реально существующая российская частная инженерная компания, разработчик и производитель авиационного, морского и сухопутного вооружения, радиоэлектронных систем, бортового оборудования для боевых летательных аппаратов, многофункциональных радиолокационных комплексов для ВМФ, а также гражданской продукции — медицинского диагностического оборудования и многого другого. Я позволил себе поместить в декорации реального предприятия вымышленных героев и вымышленные события.

Всё остальное в романе — вымысел. Нет «Изделия 48-Р», нет ИИ по имени Аргус, нет древней сети подо льдом Антарктиды и на дне океана. Наверное, нет. Я не проверял... Нет заговора, нет спасения мира силами нескольких инженеров и монтажника вышек сотовой связи. Это фантастика.

Но есть одна вещь, которая меня по-настоящему тревожит. Частота 1420 мегагерц — радиолиния нейтрального водорода — действительно существует. На ней действительно запрещены любые земные передачи. И человечество действительно слушает эту частоту десятилетиями в надежде услышать то, чего пока не слышит.

Лучшая фантастика, как мне кажется, начинается там, где реальность ставит перед нами вопрос, а мы ещё не знаем ответа.

А. Добрый

ПРОЛОГ

Одиннадцатого января 1996 года в Волжском роддоме № 2 отключили свет. В 02:14 дизель на подстанции чихнул и заглох, даже не раскрутившись, и коридоры накрыло темнотой.

Надежда Куприянова даже не увидела, а почувствовала, как исчезли стены. Стало нечем дышать, но она терпела. Где-то справа, в черноте, тонко и противно дребезжал инструментальный столик. Пахло мокрой марлей и закишей в вёдрах хлоркой. Пол был липким, хотя его вроде бы мыли.

Ребёнок вышел молча.

Не заорал. Зашипел — тихо, со свистом, короткими толчками, как воздух из неплотно закрученного вентиля.

— Да твою-ж мать, Сергеевна, ну ёпрст, — сдавленно выругались в темноте. Чиркнула зажигалка. Раз, второй. На третьем — вспыхнул дрожащий, еле живой язычок, выхватив из мрака казённый кафель и чей-то небритый, усталый подбородок.

Надежда приподнялась на локтях, попыталась разглядеть.

— Чего молчит-то? Дышит? Скажите - дышит? Кто-нибудь уже...

Голос сорвался в полувсхлип. Было страшно, но сил на панику уже не оставалось.

— Охолонись, мать, — голос акушерки был усталым и почти равнодушным. — Дышит, куда ж денется. А что молчит... так главное, что дышит. А орастых и так хватает.

Она перехватила младенца поудобнее, и руки её едва заметно дрогнули от напряжения.

— Ну ни чего себе... Ты гляди, какой груздь. Не ребёнок, а мешок картошки. Ей-богу.

Четыре восьмьсот. Многовато, но не богатырь. Однако санитарка, принимавшая его потом на весы, удивлённо хмыкнула и даже зачем-то перепроверила гири. Сказала — будто свинцовый. От греха подальше она записала вес с пометкой.

Кожа у него была сухая и горячая. Не болезненно-лихорадочная, а просто неуместно тёплая. Надежда попросила не уносить его сразу, хотела сразу покормить.

Свет дали так же внезапно, как вырубili. Лампы под потолком вспыхнули с мерзким гудением, и одна тут же лопнула с сухим треском. Стеклянная крошка мелко посыпалась на кафель. Акушерка, прикрывая лицо, выругалась уже громко и замысловато. Медсестра взвизгнула, отскочила в сторону, опрокинув лоток. Младенец лежал в кювезе и не мигал. Смотрел прямо на остывающую спираль перегоревшей лампы. Не щурился, не моргал. Не дёргал головой, как это делают розовые сморщенные младенцы. Просто смотрел. Сосредоточенно и спокойно. Свет его, кажется, не пугал, а скорее занимал. Было ярко. Было тяжело. Воздух давил своей непривычной плотностью. Он казался слишком влажным, слишком густым, и его приходилось проталкивать в лёгкие. Тяжесть. Чужая среда. И ещё — короткие вспышки, не складывающиеся в память. Не картинки даже, а обрывки ощущений. Сухой металлический привкус на языке. Красноватый свет сквозь пыль. Низкий гул, идущий через опору, через пол, через всё тело сразу. Что-то далёкое, рушащееся. Жар. Пустота. Потом снова влажный, незнакомый воздух. Всё исчезло так же быстро, как пришло, словно наваждение. Осталась только боль первого вдоха и тяжесть нового мира. Палата снова стала палатой. Где-то в коридоре санитарка шваркала мокрой тряпкой по полу. За окном, за старой двойной рамой, монотонно и раздражающе завывал ветер. Надежда, морщась от боли, попыталась лечь поудобнее и задела локтем холодную стену. Тянет, подумала она равнодушно. Вечно у них тут дует.

Младенец, которого Надежда чуть позже назовёт Бориславом, набрал в лёгкие воздуха — и наконец заорал. Отрывисто, зло, как человек, которого только что оторвали от важного дела и бросили в холод.

— Ну вот, — акушерка удовлетворённо кивнула и потянула со стола чистую пелёнку. — Теперь, считай, порядок. Будет жить.

Ребёнок орал. В коридоре хлопнула дверь ординаторской. Телевизор на посту дежурной бубнил прогноз погоды на завтра.

ГЛАВА 1. Ошибка 404

Виктор Демидов вошёл в испытательный цех № 4 АО «Заслон», на ходу застёгивая синий халат. Вторая пуговица сверху оторвалась неделю назад, а он всё забывал попросить новый. В цехе было как всегда: прохладно, шумно от систем охлаждения, и сухо, так что к вечеру начинало першить в горле. Под потолком по кабельным трассам бежали зелёные огни. Воздух пах нагретой изоляцией — недавно меняли фильтры.

В центре зала на поворотном стенде стояла «Изделие 48-Р» — активная фазированная антенная решётка. Матовое полотно, почти чёрное. Её гоняли третью неделю, и до сегодняшнего утра всё шло более-менее по плану. Местами тупили калибровки, но это было терпимо.

— Виктор Сергеич, беда с питанием, — техник за пультом говорил, не оборачиваясь, и одновременно ковырял отвёрткой край клавиатуры. Привычка у него такая. — Блок Б-12 фонит. Не прям разваливается, но в тракт лезет дрянь.

— По входу или после развязки? — Виктор поставил термос на стойку, открутил крышку, плеснул себе чаю. Чай был еле тёплый.

— В том и прикол. По входу чисто, а на съёме — грязь.

Виктор подошёл, глянул на экраны, хмыкнул.

— Б-12 вчера проверяли.

— Проверяли. — Техник наконец повернулся. — Я сам проверял. Всё было ровно.

— Аргус, запусти самодиагностику, — бросил Виктор.

Голос ИИ из динамиков — спокойный, без единой заминки:

— Внутренних неисправностей не обнаружено. Температурный режим штатный. Силовые модули в допуске. Вероятный источник пульсации явно внешний.

— «Вероятный» — не ответ. Давай конкретнее.

На главный экран вывелась спектрограмма. Сначала общий шум, потом увеличение, потом узкий пик — ровный и настырный, не спутаешь со случайным.

— Несущая в районе одной тысячи четыреста двадцати мегагерц, — сказал Аргус.

Виктор поставил кружку мимо стола, едва не пролил. Замер.

— Повтори замер.

— Уже повторяю.

— Без фильтров. Сырые данные.

— Вывожу.

Техник перестал ковырять клавиатуру, покосился на Виктора.

— Может, кто-то рядом эфир засирает? Передатчик, наводка, подсос с крыши — всякое бывает.

— На 1420 мегагерц? — Виктор покачал головой. — Подозрительно красиво. Это ж водород.

Он склонился к консоли, открыл журнал измерений, убрал сглаживание. Вызвал контрольную сессию пятнадцатиминутной давности и последнюю. Пик стоял. Не прыгал, не расползался. Кто-то аккуратно воткнул иглу в шум.

— Сними Б-12. Перекинь тракт на резерв.

— Уже сделал до того, как вы пришли. — Техник пожал плечами. — То же самое.

— Источник времени?

— Меняли.

— Опорник?

— Меняли. Толку ноль.

Виктор кивнул, не отрывая глаз от экрана.

— Ладно, давай грубо. Уводи диаграмму. Влево на двадцать, вправо. Потом вниз. Посмотрим, что это, внешний приход или наша внутренняя пакость. Очень надеюсь на второе.
— Уже тише сказал Виктор.

Техник защёлкал кнопками. На соседнем экране побежали углы, фаза. Пик дрогнул, ослаб, потом снова вылез.

— Реагирует, гад, — сказал техник.

— А если в эквивалент нагрузки?

— Давай.

Отсекли внешний тракт, перевели в контрольный режим. Пик почти пропал — не совсем, но ушёл в фон. Виктор выпрямился. Уже легче. Хотя бы не мёртвый мусор внутри стойки.

— Углы прихода, — сказал он.

— Считаю, — сказал Аргус.

На экране высветились цифры.

— Азимут — триста двадцать. Угол места... минус пятнадцать.

В первый момент Виктор не понял. Переспросил:

— Что?

— Минус пятнадцать, — повторил Аргус. — С учётом текущего положения стенда и модели отражений.

— Ты модель отражений проверь сначала. Исключи всё земное. Крышу, фермы, стенки, грунт, любые паразитные лепестки. Мне не нужен красивый абсурд. Мне нужен грязный, простой дефект.

— Принято.

Техник нервно рассмеялся:

— Если минус пятнадцать настоящий, то сигнал идёт из-под пола. Может, там метро копают?

— Пол у нас железобетонный, — сказал Виктор. — Так что пока ищем ошибку внутри.

Он подошёл к стенду, приложил ладонь к тёплому корпусу силового шкафа, зачем-то прислушался. Старый рефлекс: когда машина врёт, сперва почувствуй её как машину. Ровный гул. Никакой истерики в железе. Только пальцы чуть вибрируют.

— Аргус, дублируй вычисление угла по независимому контуру.

— Выполняю.

Пауза затянулась дольше обычного.

— Совпадает, — сказал Аргус. — Ошибка в пределах допуска.

— Не может совпадать.

— Тем не менее совпадает.

— Не умничай давай.

На экране вспыхнула трёхмерная модель Земли. Тонкая линия вошла в шар в расчётной точке, прошла насквозь и вышла с другой стороны.

— Если продолжить вектор, — Аргус заговорил тише, будто через силу, — точка выхода... двадцать девять градусов пятьдесят восемь минут северной широты, тридцать один градус восемь минут восточной долготы.

Техник шумно выдохнул:

— Охренеть... Это ж Гиза.

Никто ему не ответил. Виктор отвернулся, подошёл к окну в торце цеха. За стеклом серый март, машины по Московскому проспекту ползут в снежной каше, люди с зонтами торопятся к остановке. Нормально всё. Холодно, мокро, буднично. В такой день особенно трудно верить в то, что не вписывается в инструкцию.

— Ещё раз, — сказал он, не оборачиваясь. — С самого начала. По-честному.

Вернулся к пульту, начал загибать пальцы:

— Проверка питания — была. Замена канала — была. Замена опорника — была. Эквивалент нагрузки отсёк почти всё. Значит, источник снаружи или паразитный путь. Теперь смотри соседние полосы, весь спектр вокруг пика. Потом архив за сутки. Потом сверка с внешними данными.

— Принято, — ответил Аргус. — И не делать большие выводы раньше времени.

— Правильно понял.

— Я стараюсь.

Техник криво усмехнулся. Виктор тоже качнул головой. В последнее время Аргус всё чаще реагировал на тон, а не только на смысл сказанного. Иногда помогало, иногда раздражало. Сейчас раздражало.

Через минуту экран показал новую картину. Вокруг пика проступала неровная бахрома, следы модуляции — не совсем шум. Скорее структура.

— Похоже, он не просто сидит на частоте, — сказал Аргус. — Есть структура, почти код. Но данных пока мало, я бы не спешил с выводами.

— Вот и не спеши, — буркнул Виктор. — Когда не пытаешься всё объяснить, с тобой легче работать.

Он смотрел на графики. Привычные рамки сдвигались медленно, с сопротивлением, но сдвигались. Пока ещё рано. Пока всё может оказаться глупостью: кривой ретранслятор, чужой эксперимент, наводка, даже чей-то идиотский вброс. Но одно ясно — сбой не локальный.

— Свяжись с Пулковской, — сказал он. — Неофициально. Спроси, нет ли у них похожих чудес на водородной линии.

— Уже отправил запрос.

— Конечно отправил, — вздохнул Виктор. — И?

— Жду ответ.

Техник понизил голос:

— Может, всё-таки службу режима дёрнуть, а то...

— И что я им скажу? Что у нас пирамида фонит в антенну? Нет. Пока нет.

Ответ из Пулковской обсерватории пришёл через полторы минуты. Аргус сообщил:

— Официально: «наблюдается инструментальная нестабильность, данные перепроверяются». Неофициально дежурный оператор сказал, что у них с утра плывут детекторы в том же районе частот. Руководство велело не поднимать шум.

Виктор помолчал.

— Это уже хуже, — сказал он коротко.

— Есть ещё один слабый коррелят, — добавил Аргус. — По открытым метеоданным в районе Гизы за последние часы растёт приземное давление. Рост небольшой, может быть совпадением. Я не уверен.

— Вот именно. Может быть совпадением. Так и записываем.

Виктор сел на край стола, допил холодный чай. В цехе всё так же гудела вентиляция. Техник снова взялся ковырять клавиатуру, на сей раз вытащил клавишу «F5» и попытался поставить обратно. Где-то в соседнем отсеке хлопнула дверь. Но внутри уже появилось то поганое чувство, когда цепочка случайностей становится подозрительно аккуратной.

— Подними архивы, — сказал Виктор. — Всё, что есть по сочетанию: Гиза, Сфинкс, аномальные радиосигналы, атмосферные странности. Даже если это бред из жёлтой прессы, всё равно вытаскивай. Хочу посмотреть.

— Обработка займёт около тридцати секунд.

— И без «высокой вероятности внеземного происхождения», договорились?

— Договорились.

Техник не выдержал:

— А если там и правда жёлтая пресса?

— Значит, посмотрим на жёлтую прессу, — сказал Виктор. — Иногда мусор лежит не там, где его ищешь.

Архив вылез неожиданно быстро. Сначала старая газетная фотография — зернистая, выцветшая. Мальчишка лет восьми или девяти сидел у костра в тонкой футболке и смотрел куда-то в сторону. Подпись: «Мальчик, помнящий Марс: Борислав Куприянов».

Техник фыркнул.

— Приехали. Сейчас пойдут экстрасенсы, пирамидологи и канал в созвездие Ориона.

— Помолчи, — бросил Виктор.

Сам он тоже не обрадовался. Наоборот, разозлился. Уж больно удобно, по-журналистски. Такая находка ничего не объясняет, только портит картину.

Но Аргус сразу же открыл второе вложение. Скан листка из школьной тетради в клетку. На первый взгляд — детские каракули. Ячейки, дуги, стрелки, пометки. Виктор придвинулся. Потом ещё ближе.

— Увеличь.

Аргус увеличил. Теперь стало видно лучше. Не схема в строгом смысле, не чертёж. Но логика была. Неправильная, детская, сломанная чужими словами — но логика. Структура распределения фаз. Узлы. Повторы. Способ, до которого их группа дошла только недавно, на современной вычислительной базе.

— Может, совпадение? — спросил техник, но сам в это уже не верил.

Виктор долго молчал. Потом сказал:

— Либо совпадение, либо кто-то потом очень красиво подогнал архив. Либо я с утра не проснулся и продолжаю спать. И видеть весьма хреновый сон.

— Могу проверить происхождение файла, — предложил Аргус.

— Проверяй. Всё проверяй. Где лежал, когда оцифровали, кто лазил, откуда взяли оригинал.

— Уже делаю.

Виктор снова посмотрел на фотографию мальчика у костра, на его лицо. Взгляд как взгляд, не «странный», не «мистический». Просто чересчур взрослый для газетной сенсации. Такие глаза бывают у детей, которые рано поняли: взрослые всё равно услышат не то, что им говорят.

— Кто он сейчас? — спросил Виктор.

— Борислав Куприянов. Двадцать восемь лет. Работает техником-монтажником в подрядной организации. Устанавливает мачты сотовой связи. Живёт в общежитии в Луге. Публичности избегает. На профильные запросы не отвечает.

— То есть пропал с радаров.

— Практически.

— Медицинская история?

— Наблюдался в подростковом возрасте у невролога и психиатра. Снят с контроля. Свежих данных нет.

Техник хмыкнул:

— Хорошо устроился. Был марсианским мальчиком, вырос — стал монтажником.

— Ладно хоть не блогером, — отрезал Виктор.

Он встал и прошёлся вдоль пульта. Самое простое — передать данные наверх, получить совещание, тонну протоколов и распоряжение не паниковать. Самое разумное — ещё час копать технику, пока не найдётся банальное объяснение. Но банального пока не было. А человек, который мог оказаться в центре этой дурацкой истории, находился в двух с небольшим часах езды.

— Я, пожалуй, съезжу к нему, — сказал Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.